

ГАЛИЦКОЕ ПРИКАРПАТЬЕ XVI ВЕКА И ДВИЖЕНИЕ ОПРИШКОВ*

Е. Дракохруст

Движение опришков в Галичине есть особый тип крестьянского антифеодального движения, развёртывавшегося в условиях двойного — социального и национального — гнёта.

В украинской литературе движение опришков всегда трактовалось оторванно от местных производственных отношений, на базе которых оно выросло. Между тем — и это важно отметить — крестьяне, составлявшие опришковские «купы», не были беглецами из дальних мест. Среди описанных Ю. Целевичем опришков XVIII века — 10—15% пришлых, остальная масса была родом из сёл, расположенных в Покутье¹. В материалах, опубликованных Б. Барвинским, относящихся к тому же Покутью (1760 г.), также идёт речь о крестьянах окрестных сёл². Опришки, действовавшие на рубеже XVI—XVII вв. в Саночине, в большинстве своём также были местные крестьяне³. Поэтому предметом исследования настоящей статьи являются местные социально-экономические отношения, представляющие большой интерес для исследователя опришковских движений.

I

Нам представляется, что XVI век должен считаться отправным в изучении социально-экономической базы опришковства. В буржуазной исторической литературе в работах Ст. Кутшебы, О. Бальцера, Яна Рутковского и главным образом М. С. Грушевского была сделана попытка выявить изменения, которые переживала экономика Польши и западных земель Украины на протяжении XVI века и которые так резко ухудшили положение украинского крестьянства⁴. Эти изменения достаточно полно освещены в труде акад. Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века», в специальной главе, посвящённой Галицкой Руси⁵.

Как известно, сущность этих перемен состояла в том, что рыцарь-шляхтич к XVI в. превращается в сельского хозяина. От эксплуатации своих крестьян посредством натуральной ренты он, перестраивая внутрисемейные отношения, переходит к более жёсткой крепостнической эксплуатации: крестьяне переводятся на регулярную еженедельную барщину и частично обезземеливаются в интересах расширения панских экономий-фольварков. Усиливается вотчинная власть, и крестьяне всё больше прикрепляются к земле.

* Глава из кандидатской диссертации «Галицкое Прикарпатье XVI—XVIII вв. и движение опришков».

¹ Руська Історична Библиотека. Т. XIX. Львів. 1894.

² Історичні причинки. Ч. 1-я. Жовква. 1908.

³ Balzer O. «Regestr zloczyncow grodu Sanockiego». Lwow. 1891.

⁴ Кутшеба Ст. «Очерк истории государственного и общественного строя Польши», стр. 70—71. СПб. 1907; Бальцер О. «Из истории общественного и государственного строя Польши», стр. 91, 208. СПб. 1908; Грушевский М. «Історія України-Руси». Т. VI, стр. 197—210.

⁵ Греков Б. «Крестьяне на Руси с древнейших времён до XVII века». Ч. 3-я, разд. 10, стр. 372—389. М.—Л. 1946.

Решающее значение в этих изменениях акад. Б. Д. Греков придаёт развитию внутреннего рынка. Несомненно, что в более позднее время, в конце XVI и особенно XVII века, на экономике Польши и Украины сильно сказалось также влияние заграничного спроса⁶.

Экономика Галичины, породившей свою собственную форму крестьянских движений, «опришковство», была предметом особо пристального изучения М. С. Грушевского. Этому способствовало, с одной стороны, то, что на Галичине раньше, ярче и полнее, чем в остальной Украине, сказались те перемены и сдвиги, которые принято называть развитием фольварочного хозяйства, и, с другой стороны, то, что в руках историка-исследователя этих процессов находились такие полноценные источники, как люстрации королевщин Галичины XVI века (1564—1566, 1570 гг.). Издавая названные источники, Грушевский сопровождал каждый из трёх томов «Жерела до Історії України—Руси» вводными статьями, выясняющими, на основании опубликованного им материала, экономическое положение крестьян Поднестровья, Перемышльского и Саноцкого староств. Много работавший по люстрациям Великого княжества Литовского М. Н. Довнар-Запольский в рецензии на I и II томы «Жерел»⁷ соглашался с основными выводами Грушевского, оспаривая лишь некоторые определения автора, главным образом в вопросе о различии между крестьянами-загородниками и крестьянами-подсадками. Однако вводные статьи М. С. Грушевского к «Жерелам», с характеристикой экономического положения крестьянства различных староств, страдают механистическим подходом, игнорированием ряда важных явлений, отрывом одного ряда явлений от других, тесно связанных с ним и взаимно воздействующих и отражающих основную концепцию Грушевского об отсутствии классового деления украинского населения. В самом деле: в статьях М. С. Грушевского факты, характеризующие положение крестьян, совершенно оторваны от фактов, характеризующих местное фольварочное хозяйство, его структуру, степень его распространённости, размеры продукции и тенденции развития. Из поля зрения выключен тот пресс, который выжимал соки из крестьянского труда и вызывал обострение классовых противоречий. Такой разрыв в изучении взаимовоздействующих явлений повлёк за собой, на наш взгляд, недооценку влияния фольварочного хозяйства на рост крепостнического наступления на крестьянство Прикарпатья и игнорирование определённых закономерных связей между ростом фольварочного хозяйства и развитием загородничества, т. е. слоя малоземельных крестьян⁸. За пределами использованных М. С. Грушевским данных осталось много материала, чрезвычайно полезного для изучения опришковства. Сюда относятся, например, данные о тех горных сёлах, которые сидели на валашском праве; М. С. Грушевский местами оставляет их в стороне как представляющий исключение из общей массы⁹ круг вопросов, связанный с частновладельческими сёлами, косвенно затронутыми люстрациями. Между тем эти сёла представляют большой интерес, являясь гнёздами будущего опришковства. М. С. Грушевским оставлены без внимания признаки начинавшейся в XVI в. дифференциации крестьянства, рассмотрение которых имеет большое значение при изучении опришковства, поскольку опришки происходили из беднейших слоёв крестьянства.

⁶ Ст. Кутшеба считал время Сигизмунда III и Владислава IV апогеем хлебного вывоза через Гданск, подтверждая свои выводы рядом статистических данных. Gdansk. Praca zbiorowa. Pod red. Prof. St. Kutzeby, str. 145. Lwów — Warszawa — Kraków. 1928.

⁷ Довнар-Запольский М. «К истории экономического быта Галицкой Руси» в XVI в., стр. 146. ЖМНП за январь 1898 года.

⁸ Грушевский М. «Студії з економічної Історії України», стр. 57. Київ. 1918, также Історія України-Руси, т. VI, стр. 60. Київ—Львів. 1907.

⁹ «Жерела до Історії України-Руси». Т. I, стр. 3. Львів, 1894.

С опришковским движением были связаны районы следующих староств, описанных в люстрациях 1565—1566 гг.: Снятынского, Коломыйского, Галицкого, Стрыйского, Дрогобыцкого, Самборского с волястью Озиминской, Перемышльского и Саноцкого. Это были территории, сплошь населённые украинцами.

Рассматривая несколько сотен сёл, мы почти не встретим здесь польских или немецких имён, в то время как люстрации староств северной части Галичины пестрят ими ¹⁰.

Украинское население Прикарпатья занимало край, отличавшийся большими природными богатствами. Люстрации неоднократно отмечали наличие хороших грунтов, дающих обильные урожаи, «великих лесов», рек, изобилующих рыбой и удобных для устройства водяных мельниц, множества лугов, горных и лесных пастбищ, соляных источников. Прикарпатский край был к этому времени достаточно заселён. Весьма показательно в этом отношении постановление коронного сейма от 1564 г., совпавшего с началом люстраций: «По срочному требованию послов Земли Галицкой и с общего позволения рад, имея в виду густоту и заселённость края рыцарством, дальность дороги и уступая соображениям опасности оных краёв, учреждаем сеймик в Галиче, чтобы там каштелян со шляхтой выбирали послов и могли уговариваться об общих потребностях» ¹¹.

Податные реестры XVI в., относящиеся к Прикарпатским поветам, дают ясное представление о том огромном количестве польской шляхты, которая здесь прочно засела, завладев трудом и землями местного украинского крестьянства ¹². Бросается в глаза обилие магнатских фамилий, владевших десятками сёл: в Перемышльской земле — Стадницкие, Тарлы, Тейчинские, Дерзняки, Любомирские; в Галицкой — Сенявские, Буцацкие, Язловецкие, Збровские, Потоцкие ¹³. Сохранившиеся здесь украинские шляхетские фамилии относились к довольно большому кругу мелких владельцев, имевших деревни большей частью в долевом владении ¹⁴.

Во главе староств Прикарпатья стояли знатнейшие и богатейшие польские паны, имевшие здесь собственные обширные владения. Конечно, староства вообще давались заслуженным сановникам, как «*panis bene merentium — chleb dobrze zasłużonych*» ¹⁵.

Кроме собственных земель эти магнаты имели в Прикарпатье крупные державы на территории староств, пожалованные им королём ¹⁶.

Помощниками старост в проведении классовой политики в отношении крестьян выступали комиссары из местной шляхты. Они вызывались на места для выяснения и решения спорных вопросов, которые затем передавались на окончательную санкцию короля. Старосты действовали через специальный аппарат чиновников — уряд, — но инициатива ведения хозяйства принадлежала старостам: они давали распоряжения о расширении фольварков, об обмене королевских сёл на частновладельческие, о переводе крестьян с одного вида повинностей на другие, об основании новых «осад». Текст люстраций рисует нам старостинское управление как

¹⁰ «Жерела». Т. II, стр. 181, 192, 215.

¹¹ «Volumina legum». Т. II, стр. 28, п. 34.

¹² Źródła dziejowe. Т. XVIII, cz. I, cz. II, S. 67. В Саночине землянские сёла составляли 84%, в Галицком повете — 83%.

¹³ Ibidem. Т. XVIII, cz. I. Regestra poborowe w-słwa Ruskiego, 1589, стр. 8, 9, 10, 12.

¹⁴ Źródła dziejowe. Т. XVIII, cz. I, стр. 29, 31, 32.

¹⁵ Кутшуба Ст. Указ. соч., стр. 166.

¹⁶ Так, Тейчинские имели в Снятынском старостве в держании восемь сёл с Белолюйским фольварком; Сенявский имел в ленном владении целую Калушскую волясть Галицкого староства и Новое Местечко, дававшее 3811 злотых дохода. Ян Тарновский имел в давнем владении от короля Сигизмунда I ряд сёл в Стрыйском старостве. В Дрогобыцкой королевщине лучшие земли отошли старосте Яну Стажеховскому: целый ключ Медыничский и село Стебник с солеварницами («Жерела», Т. I, стр. 29—39, 83—112, 221). Представление об удельном весе этого панства даёт «Дневник Люблинского сейма», стр. 9, 36, 719, 720. СПб 1869.

энергичное, нацеленное на усиление доходности, агрессивное в отношении крестьянской массы.

II

Развитие сельского хозяйства в королевских землях происходило по трём основным направлениям: дальнейшему развитию фольварков и поднятию их доходности, насаждению новых сёл на свободных пространствах и упорядочению лесного хозяйства.

Принадлежавшие польским панам фольварки прикарпатских староств в основном были расположены в северной равнинной части королевских владений. Незначительное количество их было расположено около Снятына, Стрыя и Дрогобыча, и довольно густо расположились они вокруг Галича, Самбора, Перемышля и Санока; в последних двух случаях они распространялись уже в Подгорье¹⁷. В фольварках имелись не только зерновые хозяйства и сенокаты, но и крупное рыбное хозяйство, требовавшее специальных земляных работ по строительству отводных каналов для стока прудов, многообразное мельничное хозяйство — мужомольное, крупорушное, валяльное, лесопильное; белильни, фермы рогатого скота и пасеки. Все работы по фольварку ложились на плечи крестьянства, потому что количество рабочей силы при фольварках было ничтожно: пять—восемь человек, включая урядника и писаря¹⁸. Принципиально такая постановка дела не являлась особенностью данного края. Во второй половине XVI в. те же явления имели место в королевских хозяйствах Литвы, где весь объём фольварочных работ ложился на тяглое крестьянство, число же дворовой челяди было незначительным¹⁹. Сравнение фольварочного хозяйства с северными хозяйствами подчёркивает большую сложность королевского хозяйства в южной Галичине, опутывавшего крестьянина такой сетью самых разнообразных повинностей, что правильно расценить экономическое положение крестьянства в этих краях можно только при учёте характера и удельного веса местного фольварка (см. табл. 1 на стр. 39).

Из восьми прикарпатских староств только староство Коломыйское не имело экономий; в семи остальных было 32 фольварка; наибольшее количество — по 7 фольварков — имелось в Галицком и Самборском староствах; наименьшее — в Стрыйском — всего один, приносящий 898 злотых дохода²⁰. Продукция фольварков составляла от 40,1 до 64,4 % общих доходов староств, в среднем — 50,7 %, т. е. половину всех доходов. Имея в виду наличие большого количества сёл, состоявших на чинше, т. е. вне фольварочного хозяйства, надо считать эту цифру для данного края высокой и, конечно, показательной для определения объёма работ, падавших на местное крестьянство. В суммы доходов от фольварков, кроме доходов от зернового хозяйства, включались доходы от всей совокупности хозяйственных отраслей: от сенокателей, прудов, мельниц всех родов, пасек — всё, за исключением так называемых «случайных доходов», т. е. от лесного хозяйства, штрафов и косвенных сборов. Если из всей массы статей фольварочного хозяйства выделить зерновое, которое в тексте люстраций зовётся «доходы за гумно», то мы получим весьма высокие, хотя и различные показатели.

¹⁷ «Жерела». Т. II, стр. 120. «Гойский ключ Перемышльского староства» и стр. 301 — «Саноцкие фольварки».

¹⁸ «Жерела». Т. I, стр. 218. «Czeladz: dwornik, dworka, dziewek — 2, pasturz — 1», стр. 107; «Czeladz: urzednik, pisarz, urzednikowa zenia (sie), dziewek — 2, pasturzw — 2; pasturz chlopierz — 1».

¹⁹ Пичета В. «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». Ч. I-я, стр. 179—180. М. 1917.

²⁰ Суммы доходов там, где они не подытожены в описи, выведены на основании подсчёта доходов по отдельным фольваркам и по отдельным статьям: за гумно, пруды, мельницы и т. д.

Таблица 1

Удельный вес фольварочных доходов и зерновой продукции по отношению к общей сумме доходов королевских имений Прикарпатья
(По люстрациям 1563—1566 гг. — „Жерела“, т. т. I, II)

№ люстр.	Староства	Количество сёл	Количество хозяйств	Количество фольварков	Вся сумма доходов	Доход от фольварков	% отношения дохода фольварков	Составные части фольварочных доходов в золотых				
								зерно	%	сено	пруды	мелочи
1	Снятынское	23	500	2	6 374	2 921	45,8	828	28,3	286	516	1 291
2	Галицкое	20	367	7	9 351	4 415	47,2	2 399	54,3	791	333	892
3	Стрыйское	10	373	1	2 000	898	44,4	363	40,4	100		435
4	Дрогобыцкое	10	274	2	2 413	1 123	46,5	233	20,7	672	34	145
5	Самборское	83	1 716	7	7 354	2 950	40,1	2 018	69,0	248	110	574
5а	Волость Озиминская	23	980	3	4 834	2 203	45,5	1 309	59,4	592	69	233
6	Перемышльское	47	1 148	6	13 779	8 883	64,4	4 275	48,1	538	615	3 455
7	Саноцкое	45	1 047	4	6 626	3 363	50,2	1 274	37,9	102	46	1 941
	Итого	270	6 345	32	52 731	26 756	50,7	12 600	44,5	4 329	1 702	8 966

ПРИМЕЧАНИЕ: 1. В описи Перемышльского староства нет итога доходов с зернового хозяйства фольварков — сумма 8883 золотых выведена путём вычитания из общей суммы доходов — 13 779 золотых — доходов с сёл, лесов, сенокосов, прудов, мельниц.

2. Цифры по Озиминской волости взяты из инвентаря (стр. 300), общая сумма 4883 — из люстрации (см «Жерела». Т. I, стр. 299, прим.).

3. Некоторое расхождение в количестве хозяйств с цифрами М. С. Грушевского объясняется тем, что по Самборскому староству взяты все хозяйства, а у М. С. Грушевского только тяглые, по Дрогобыцкому — потому, что не учтены два села, приписанные к жупам (Колпеч, Стебник).

4. В таблице не отделены собственно королевские фольварки от тех, которые принадлежали староствам на различных условиях: «в лен», «доживотне», «в вечность», потому что для общей характеристики фольварочного хозяйства Прикарпатья эти отличия неважны.

Люстрации не дают никаких сведений ни о размерах земель, использовавшихся фольварками, ни о количестве рабочих человекодней, которыми они располагали.

Чтобы на конкретных примерах показать степень отягощения местного крестьянского населения фольварками и главным образом сельскохозяйственными работами, мы рассмотрим из семи староств как наиболее показательные четыре: Снятынское, Галицкое, Перемышльское и Саноцкое. Первое — самое восточное, удалённое от рыночных центров, — Галицкое, — издавна наиболее освоенное шляхетством, Перемышльское и Саноцкое — самые западные, связанные с городскими рынками и расположенные близко к речным торговым путям по рекам Сану и Висле.

Территория Снятынского староства тянулась длинной полосой с севера на юг (от своего центра — города Снятына, лежащего при впадении речки Снятынки в Прут) к Карпатским полонинам. Восточной окраиной староство прилегло к «волоской» (молдавской) границе, которая проходила вдоль реки Белого Черемоша, спускаясь до селения Куты, лежащего уже в самой глубине Покутья. Огромные Карпаты, покрытые дубовыми, буковыми и смерековыми (пихтовыми) лесами, горные реки, среди них Чёрный Черемош, — вот тот край, в котором в XVIII в. развернулись боевые дела опришков Довбуша, край, который воспевался в народных легендах и преданиях. В люстрациях описаны 27 сёл и местечек Снятынского староства, хорошо отображённых на известной карте Покутья XVII в. (Мозес—Питта), где отмечено до 40 селений, считая и частновладельческие.

Очень характерна локализация фольварков и панщинных деревень. Все они были расположены за рекой Прутом, в равнинной части староства, наиболее удалённой от районов татарских набегов. Здесь были расположены королевский фольварк Поточки и фольварк магнатов Тейчинских Белолой. В способе ведения хозяйства между первым и вторым фольварками не было различий. Исключение составляло, пожалуй, развитое рыбно-прудовое хозяйство в «доживотном» владении Тейчинских в Белолойском ключе. Из 18 селений только 4 были обременены еженедельной панщиной. В отношении к общему количеству крестьянских хозяйств этих селений это составляло всего 6%. Слабо развитое фольварочное хозяйство этого староства стояло на низком уровне. Удельный вес его в общей сумме дохода составлял 45,8%, а зерновая продукция — 28,3%.

Причину такого явления ревизоры совершенно отчётливо указали: несмотря на наличие хорошей, плодородной земли, хлеба сеют мало, потому что нет спроса («*alje iz tam zboze nie poplacza*»), хлеб не имел цены²¹.

Фольварочное же хозяйство Галицкого староства даже нельзя сравнивать со Снятыньским, настолько сильно оно тяготело над крестьянством. Из люстраций следует, что на 52% всех хозяйств падала регулярная, еженедельная «работа»²². Королевские фольварки, как и старостинские, были расположены за Днестром, севернее Галича; в районе реки Липы их было семь. Доходы с них составляли 47,2%, причём на зерновую продукцию приходилась большая половина дохода — 54,3%. К фольваркам были прикреплены крестьяне 12 деревень — всего 218 хозяйств, — а также 80 загородников, сверх того по несколько панщинных дней в году давали остальные деревни, и всё же рабочих рук не хватало. Основной заботой ревизора было увеличение числа крестьянских хозяйств в старостве: «В этом старостве много свободных урожайных полей, а особенно за Днестром... также у Галича и между пашнями городских имеются свободные ланы — мог бы быть очень хороший фольварк, также и под Коломыйей, но уряд сообщает, что некому их обрабатывать»²³. Это противоречие между обилием пахотных полей и недостатком рабочей силы вызвало к жизни в Галицком старостве особую форму хозяйства: привлечение своих и чужих (земянских) крестьян к обработке полей путём «скопчизны» — каждый 7-й или 10-й сноп шёл в пользу фольварка²⁴. Наиболее ярко общая тенденция в развитии хозяйства в этом районе проявилась в той части королевщины, которая была отдана старосте Сенявскому не в ленное владение, а «в вечность», — в Новосельской волости (стрема сёлами). Здесь не было ни одного чиншевого крестьянина — все 100% хозяйств (их было 51), так же как и 19 посадков, работали по три дня в неделю на фольварк. Люстрация показывает хозяйство Сенявского в процессе его роста, кроме трёх имевшихся здесь фольварков — Конюшковского, Игнашковского и Пустолуцкого, — строились двор в урочище Тучепы и новый двор, специально приспособленный для разведения скота, заводилось прудовое хозяйство²⁵.

Развитие фольварочного хозяйства в Галицком старостве нужно поставить в связь с развитием рыночных отношений в густо заселённой Галицкой земле. При определении доходностей фольварков в денежном отношении отправными данными для ревизоров были цены на хлеб на Галицком рынке. Город Галич был расположен на торговом транзитном пути к Львову и являлся центром политической жизни района — здесь

²¹ «Жерела». Т. I, стр. 25.

²² Число сёл Галицкого староства — 29, но при вычислении процентов три села исключены как новоосаженные и не несущие никаких повинностей, а четыре не были ревизованы.

²³ «Жерела». Т. I, стр. 77.

²⁴ Там же, стр. 78.

²⁵ Там же, стр. 106—107.

проводились сеймиковые сборы, — в связи с этим город сам по себе мог стимулировать рост зерновой продукции.

Перемышльское староство было расположено по реке Сану и его притокам, т. е. в непосредственной близости к одной из главных артерий по экспорту хлеба. В составленной на два десятилетия позднее люстрации, информации об экономическом положении Польши, с большими подробностями описывалась речная сеть, связывавшая данный край с Вислой²⁶. Район Перемышля прилегал с востока к этой речной сети. Королевские фольварки составляли здесь большой комплекс — в шесть экономий²⁷. Обслуживание этих фольварков требовало привлечения большого количества сельского населения к регулярной паншине — именно в этом старостве мы встречаем крестьянские хозяйства, работавшие на фольварк ежедневно с полудня (за исключением понедельника — «дня торгового»); иногда эта ежедневная паншина заменялась трёхдневной — по целому дню. Общее число деревень, привлечённых к работе на фольварк, составляло 44%, а по количеству хозяйств процент этот доходил до 50. Развитие фольварочного хозяйства вызвало здесь обезземеление 63 крестьянских хозяйств в деревне Гойско. Эти хозяйства были скуплены старостой и превращены в придаток фольварка²⁸. В этом же старостве после упорного сопротивления население семи конюших сёл было лишено всех прежних льгот и привлечено к фольварочным работам²⁹. Здесь паншинную работу несло также значительное количество загородников: из общего числа в 180 человек 105 работали на фольварках. О большом зерновом хозяйстве этого староства можно судить по имевшемуся в нём сложному комплексу мельниц³⁰. Сумма мельничных доходов была исключительно высокой: 3450 злотых³¹. Люстрации отмечают энергичное строительство новых мельниц по приказу пана старосты³².

Особый интерес для изучения опришковского движения представляет Саноцкое староство. Изданные О. Бальцером³³ Саноцкие судебные записи от 1554—1638 гг. ярко освещают классовые отношения на этой густо заселённой польской шляхтой окраине, где в XVII в. развернулась упорная борьба опришков с панами. Староство было расположено так близко к венгерской границе, что королевские фольварки находились на расстоянии каких-нибудь 20—30 км от горных перевалов; они тянулись

²⁶ «Попада, вытекаю с Карпатских гор, имеет хороший порт в Любове; соединяясь с Дунайем, имеет порт в Старом Сонче и порт в Опатове; река Вислока, которая начинается от Яслика и течёт по земле Мелёцкой в направлении Руси, — не такая большая, как прежде, но судоходная. Река Сан вытекает из Руси нижней тремя ветвями, которые потом соединяются и, протекая по Малой Польше, впадают в Вислу в Сандомирской земле, где бывает большой рынок предметов, которые доставляются с удобством благодаря этой реке: пшеница, всякое зерно, смола, дуб, конопля и т. д. (Scriptores regni Roborisagum. Т. 15, р. 217. Kraków. 1894). «Информация об экономическом положении Польши», представленная в 1583 г. папским нунцием Альберто Болоньетто.

²⁷ Бакунчицкий фольварк к северу от Перемышля; Деятинский — над рекою Саном; ниже Перемышля; Медичский — в 12 км к востоку от Перемышля и Мостицкий — в районе реки Вишни, притока Сана, впадающего в Сан ниже Перемышля, и, наконец, новый, только что начатый строительством и расширяющийся ежегодным поднаёмом целины — «копанинами», — фольварк Титова Воля. Шестой, Гойский, лежал в горах на юг от Перемышля, около Добромилла, на р. Вягве, впадающей в Сан. «Жерела». Т. II, стр. 163—166; Słownik geograficzny królestwa Polskiego. Т. II, str. 650.

²⁸ «Жерела». Т. II, стр. 246—247, 169.

²⁹ Там же, стр. 121.

³⁰ Нигде не было таких крупных мельничных установок, как в Перемышльском старостве: около города две мельницы по 9 и 8 колёс, одна на Сане, другая на Виаре; их доход 2800 злотых. Крупная мельница в Мостиске на 3 колеса и Титовой Воле — на 2 колеса давали вместе 240 злотых дохода. По деревням были разбросаны ещё 12 маленьких мельниц, имевших по одному колесу и дававших 10—15 злотых дохода каждая («Жерела»). Т. II, стр. 160—163).

³¹ «Жерела». Т. II, стр. 63.

³² Там же, стр. 161—163.

³³ Balcer O. Regestr Złoczynców grodu Sanockiego. Lwów. 1891.

короткой полосой на северо-запад от Санока, составляя группу в 4 экономии: Войтовский фольварк, Замковый, Костаровецкий и Беский. Продукция фольварков составляла 50,2% общего дохода, в том числе зерновая — 37%. В составе культур выделялась пшеница. Мельничное хозяйство приносило около 20 тыс. злотых дохода³⁴; особенно выделялись вновь отстроенные около города Санока мукомольная, крупорушная, лесопильная, валяльная, дубильная мельницы. Сюда по Сану и Ославе спускали брёвна шесть горных деревьев³⁵. Мельничные строительные работы несли «люди многих сёл, расположенных под городом Кросно»³⁶. Для обработки фольварочных полей было прикреплено 10 сёл — всего 143 хозяйства; некоторые из них были обязаны работать ежедневно³⁷, другие — по 3 и по 2 дня в неделю³⁸. В летнее время к работам на фольварках привлекалось даже население отдалённых чиншевых сёл (некоторые по 9 дней)³⁹. Жители горных пастушеских сёл в этом старостве привлекались не только к обычным сенокосным работам: многие из них были обязаны в летнюю пору являться (за 20 километров) в соответствующие фольварки на сельскохозяйственные работы⁴⁰. Очень интересна отметка ревизоров о состоянии местного хлебного рынка: «Обычно хлеб бывает дороже в Саноке, чем в Перемысле. Сведущие люди сообщали... что хлеб, хотя его отсюда не спускают до Данска, но он и здесь в этом краю имеет ежегодно хороший сбыт, потому что городов много, людей в них населено достаточно, и купцы часто приходят со всех сторон и бывает там корец жита на торгу, как в Саноке, так и в Кросно перед новым урожаем по 20 грошей, пшеница — корец по 36 грошей чистая, ячмень по 14 гр., овёс бывает временами дороже, чем по 10 гр., а татарка — 13 гр. и т. д.»⁴¹.

Выгода рыночной продажи хлеба толкала здесь даже мелких старостыньских слуг к насильственному захвату крестьянской земли, что не раз фиксировалось ревизорами⁴².

Кроме работы на зерновом хозяйстве фольварков, всецело ложившейся на плечи крестьянства, обычной повинностью, широко распространённой по всем староствам, было кошение сена на королевских лугах и своз его в фольварочные дворы. Доходы с сеножателей скрупулёзно подсчитывались в итоговых суммах. Именно в этом разделе мы находим реализацию тех натуральных повинностей, которые неизменно входили в обязанность всех чиншевых сёл: косить два (иногда три) дня в году. Среди покупателей сена встречаются прасолы, крестьяне — свои, королевские и землянские, — попы⁴³. При обилии лугов, находившихся в распоряжении королевщин, покупка сена крестьянами подтверждает сообщения об отрезке крестьянских выгонов в пользу фольварков.

Таковы данные о степени давления фольварочного хозяйства королевщин Прикарпатья на земледельческие сёла, входившие в состав староств.

Изучение экономики частновладельческих хозяйств затруднено в связи с отсутствием описей, подобных люстрациям, что не раз отмечалось

³⁴ «Жерела». Т. II, стр. 297—300.

³⁵ Деревни Кулянише, Шавие, Туржанское, Репедза, Смольник, Команча («Жерела». Т. II, стр. 298) — все они фигурируют в судебных протоколах «Ресстра злочинцев», изд. О. Бальцера.

³⁶ «Жерела». Т. II, стр. 298.

³⁷ Домбровка Русская («Жерела». Т. II, стр. 236); Половцы («Жерела» Т. II, стр. 242); Костаровцы («Жерела». Т. II, стр. 245).

³⁸ «Жерела». Т. II, стр. 240, 241, 239, 277.

³⁹ Посада («Жерела». Т. II, стр. 232), Хочев («Жерела» Т. II, стр. 255), Искриня («Жерела». Т. II, стр. 256).

⁴⁰ Уржанское («Жерела». Т. II, стр. 275), Чистогорб (стр. 277), Лупков (стр. 279), Команча (стр. 281).

⁴¹ «Жерела». Т. II, стр. 230.

⁴² Там же, стр. 232—233.

⁴³ «Жерела». Т. I, стр. 81, 82.

в литературе ⁴⁴. Из имеющихся данных можно составить представление только об отдельных чертах этих хозяйств. Королевские имения повсюду были окружены шляхетскими и магнатскими. Мы насчитали 82 частновладельческих села, так или иначе связанных с королевским хозяйством, — среди них сёла, хорошо известные из истории опришковства: Печенежин, родное село Олексы Довбуша, Ланчин, Ключев, Сапоровское, Березов — место выступлений Олексы Довбуша. Местная шляхта увеличивала свои владения за счёт крестьянских земель. Деревня Подгродье над р. Луквой, Галицкого староства, была совершенно обезземелена паном Блудницким ⁴⁵. Ограбленные крестьяне деревни разбежались, и в ней осталось только три хозяйства. Тот же шляхтич опустошил деревню Викторов, после чего из неё ушли 17 крестьян ⁴⁶. Пан Куропатва, владелец деревень, крестьяне которых за плату пользовались королевскими лесами, захватил себе большие площади этих лесов и потоков как на горах, так и на равнинах, хотя крестьяне и присягали, что они всегда пользовались этими лесами ⁴⁷. Рядом с Сапоцкими владениями короля находились фольварки таких крупных панов, как Ник. Тарло, Дерзняк, Иероним Боболи и др. О них ревизоры доносили: «Эти державцы, опустошившие некоторые пашни, поделали себе фольварки и неизвестно почему не дают обычного взноса с них — ведь если завели фольварки, то имеют большой доход» ⁴⁸. Там же размножившаяся шляхта согнала крестьян с 20 ланов ⁴⁹. Мы имеем авторитетные указания в литературе на то, что в развитии фольварков частновладельческие хозяйства шли впереди королевских ⁵⁰. По примерному подсчёту, количество земель, занятых в Галичине под фольварки, составляло одну треть всей пахотной земли ⁵¹. На основании обзора королевских фольварков можно прийти к заключению, что процесс превращения рыцаря-шляхтича в сельского хозяина не миновал Прикаратья. Локализация фольварков показывает, что этот процесс имел место там, где росли короля, где близко проходили речные пути сбыта хлеба, — в поветах Галицком, Перемышльском, Сапоцком. Близость Перемышльской земли к р. Сану, особый интерес, проявленный к этому району итальянскими агентами ⁵², — развитие экспорта хлеба из Польши во второй половине XVI в. — всё это вместе с вышесказанным позволяет ставить вопрос о том, что и Прикарпатье было вовлечено в хлебную торговлю.

Развитие торгово-денежных отношений воздействовало не только на шляхетские экономии, но и на крестьянские хозяйства. Необходимость уплаты чинша деньгами должна была толкать крестьянские хозяйства на реализацию части зерновой продукции на рынке; в связи с этим, вероятно, производились большие засе́вы пшеницы в некоторых сёлах в окрестности Галича ⁵³. Жители сёл, расположенных на территории с обильными соляными источниками, занимались вывариванием соли и принимали участие в соляной торговле.

Местами Прикарпатье пересекала густая сеть старинных дорог, соединявших отдельные пункты между собой и с соседними странами: Молдавией, Венгрией, Литвой ⁵⁴. Ряд сёл являлся пунктами, где выби-
рали мыто с провозимых товаров ⁵⁵.

⁴⁴ Грушевский М. «Жерела». Т. I, стр. 2.

⁴⁵ «Жерела». Т. I, стр. 65.

⁴⁶ Там же, стр. 71.

⁴⁷ Там же, стр. 75.

⁴⁸ «Жерела». Т. II, стр. 289.

⁴⁹ Там же, стр. 290.

⁵⁰ Греков Б. «Крестьяне на Руси», стр. 380. М. 1946.

⁵¹ Zrodla. T. XVIII, cz. II, str. 113. Хотя подсчёты Яблоновского справедливо могут вызвать возражения, но нельзя пройти мимо них.

⁵² Scriptores rerum Polonicarum. T. XV, str. 217. Krakow. 1894.

⁵³ «Жерела». Т. I, стр. 62, 67, 69.

⁵⁴ Там же, стр. 48; т. II, стр. 141, 114.

⁵⁵ Там же. Т. I, стр. 235, 242, 246.

В городах Прикарпатья: Снятыне, Галиче, Дрогобыче, Самборе, Перемышле, Саноке — бывали ежегодные ярмарки, в Снятыне — «первая над всеми местечками земли Русской»⁵⁶; в Дрогобыче — 2 ярмарки, в Саноке — 3 ярмарки в году; «в те ярмарки бывает много коней из Венгрии, много различных фурманов, вино, пиво перемышльское, жернова мельничные и другие товары»⁵⁷. Кроме того везде были свои торговые дни на неделе и специальные сезоны торговли битым скотом, так называемые «сохачки»⁵⁸.

XVI век в Прикарпатье, как и во всей Галичине, отмечен небывалым ростом местечек, нередко преобразованных из сёл: так, в Галицкой земле возникают Борки (1530), Калуша (1549), Сухостав (1553), Подгродье (1560), Фирлеев (1570) и другие; в Перемышльской земле — Доброил (1566), Тарногород (1567)⁵⁹.

В Перемышльской земле в середине XVI в. было 28 городов, в Саноцкой земле — 13, в Галицкой — 54⁶⁰. Несмотря на то что значительная часть городского населения («предмещане») занималась земледелием и некоторые мелкие местечки почти не отличались от сёл, в городах Перемышльской земли насчитывалось 980 ремесленников, в Саноцкой — 279, Галицкой — 239⁶¹.

На почве развития торгово-денежных отношений происходил процесс дифференциации крестьянства. Если рост зажиточного, торгующего крестьянства мало прослеживается по источникам, которыми мы располагали, то в них ясно выявлено наличие большого числа малоземельных и безземельных крестьян⁶².

III

К беднейшим слоям крестьянства в Галичине принадлежали загородники, подсадки, коморники, которые составляли и основную массу опиришков.

Количество загородников и подсадков, зафиксированных в люстрациях по шести староствам Прикарпатья, составляло значительную цифру — в 478 человек⁶³, — 10,6% по отношению ко всем крестьянским хозяйствам. Название «загородник» часто сменялось в описях названием «подсадок», причём в люстрациях иногда встречается между ними знак равенства — «загородники, или подсадки» («Zagrodniczi, alias podsadkowie»)⁶⁴. Иногда в люстрации целого староства употребляется только

⁵⁶ «Жерела». Т. I, стр. 3.

⁵⁷ «Жерела». Т. II, стр. 290.

⁵⁸ Термин «сохачки» близок к слову socharz — так назывались люди, пришедшие из деревни для торговли битым скотом (Słownik języka polskiego. J. Karłowicza. T. XXXII, str. 257). Warszawa. 1912. Другое объяснение дано Грушевским — от подсошка, на который навешивалось мясо. Історія України-Руси. Т. VI, 105. К.-А. 1907.

⁵⁹ Źródła dzieiowe. T. XVIII, cz. II, str. 70. О Саноцкой земле сведений нет.

⁶⁰ По административному делению русское воеводство состояло из пяти земель: Львовской, Галицкой, Перемышльской, Саноцкой и Холмской. В их состав входило 11 поветов. Źródła. T. XVIII, cz. II, str. 22—33, 147.

⁶¹ Źródła. T. XVIII, cz. II, str. 149.

⁶² О крестьянском накоплении чётко говорят иные источники, например «Реестры шкод», т. е. списки убытков, составленные на основании жалоб крестьян на разорения от татарских набегов, военных невзгод и злоупотреблений уряда. Этими архивными материалами пользовались для XVII в. Лозинский Вл., для XVIII в. Ян Рутковский. Люстрации же дают только представление о неравномерности в распределении земельных наделов в деревнях, находившихся на чинше, особенно в районе солвирен, где находим в одной и той же деревне хозяйства, сидевшие на целом лане и на 1/4 лана («Жерела». Т. I, стр. 289, 292; т. II, стр. 83). Встречаются крестьяне, арендовавшие корчмы («Жерела». Т. I, стр. 278), имевшие мельничку для своих нужд («Жерела». Т. I, стр. 184), арендовавшие сверх дворища значительные участки земли («Жерела». Т. II, стр. 125; т. II, стр. 273).

⁶³ Без Самборского староства, потому что опись (инвентарь), учитывая только денежные доходы, вносила загородников чиншевых и не отмечала ланцинных, что искажает общее число неполноценных хозяйств в старостве.

⁶⁴ «Жерела». Т. I, стр. 63, 65, 66.

одно из этих названий (например, в Стрыйском — «подсадки»), однако сделать из этого вывод, что «подсадки» — местное стрыйское название, нельзя, потому что оно встречается и в соседних староствах; в Перемышльском старостве употребляется исключительно название «загородники». По вопросу об этих низших категориях крестьян имеются высказывания М. С. Грушевского и М. В. Довнар-Запольского, причём последний в отзыве о публикации I и II томов «Жерел» отнёсся критически к определению понятия «подсадки», данному М. С. Грушевским⁶⁵ и к его высказыванию о том, что эти группы деревенского населения следует различать по их экономическому положению⁶⁶. М. В. Довнар-Запольский считал, что различия надо искать в происхождении тех и других. Изучая текст источника, мы нашли данные, показывающие, что оба высказывания (для Прикарпатья) имеют под собой почву, так как, согласно источнику, существовали две разновидности посадков: «посадки, о которых нужно так разуместь, что это люди, которых принимали крестьяне к себе на свои пашни и свои дворы, если имели небольшие участки (obszary) сверх надельной четверти, или также люди, которые, когда разделится семья, то те из них делают подсадками, которые не держат тяглою пашни, а только дом с огородом»⁶⁷. Из этих разновидностей посадков первая, т. е. сидящая на кметьих дворах, по нашему мнению, может считаться чистым типом посадка и соответствует определению М. С. Грушевского: «Посадок — это крестьянин, который сидел на земле другого крестьянина и его земля не считалась отдельно в комплексе сельских земель, в то время, как земля загородника (огородника), хоть он имел только небольшой кусок земли, меньший, чем обычный тяглый надел, не входила в состав другого участка, будучи чем-то особым и самостоятельным с самого своего начала»⁶⁸. Встретившийся нам текст из инвентаря частного имения Колачковны, Галицкой земли, подтверждает определение М. С. Грушевского: «Остапо посадок давал денаров пятнадцать; присоединился к Малику на его дворище, не должен дать дани»⁶⁹. Здесь зафиксирован переход посадка из одной категории, имевшей свои земельные участки, в другую категорию, чистого типа, на чужом хозяйстве⁷⁰.

Податные универсалы XVI в. — 1564, 1565, 1567 и других годов — знают три разряда загородников: «Загородники, которые только на усадьбах сидят, а работают на панов своих, — имеют платить по два гроша»; «Загородники, которые к загородам пашни имеют, платить должны по четыре гроша»; «Загородники, к домкам имеющие огороды и находящиеся на чинше без панщины, и имеющие какие-либо участки земли

⁶⁵ «Жерела». Т. I, стр. 6. Вводная статья М. С. Грушевского, стр. 6.

⁶⁶ Довнар-Запольский М. «К истории экономического быта Галиции XVI века». ЖМНП за 1898 г., стр. 153.

⁶⁷ «Жерела». Т. I, стр. 293.

⁶⁸ Там же, стр. 6. Вводная статья.

⁶⁹ Акты Виленской археографической комиссии. Т. XIV, стр. 420—421. Ср. также Akta grodzkie i ziemskie. T. XII, N. 3982. Lwów, 1887. Крестьянин Янец говорит о себе: «Ego sum homo arealis et non pod zadek». Также Rundstein Ludnosz wiesniacza ziemi habickie w wieku XV, стр. 9. Lwów. 1903.

⁷⁰ Утверждение Довнар-Запольского, что люстрации, с фискальной точки зрения, не отличали загородников от посадков, требует дополнения: это было в том случае, если последний имел свой участок пашни — в этом случае мы встречаем в люстрациях выражение «загородники или подсадки» («Жерела». Т. I, стр. 7). В противном случае писалось так: «Подсадковые крестьяне, которых шестью давали каждый подымного с почтой по 4½ гроша, загородников было одиннадцать, каждый давал чиншу по 4¼ гроша (село Стрельбица, район Жул Русских). («Жерела». Т. II, стр. 20). Не потому ли поборовые универсалы XVI в., определявшие нормы обложения сельского и городского населения и податные книги, составлявшиеся на местах, совершенно не упоминали о посадках, т. е. о людях, сидевших на крестьянских пашнях, перечисляя в то же время чрезвычайно полно все разновидности загородников.

⁷¹ Volumina legum. Т. II, стр. 39, 61, 72.

{«obescie» — усадьбы) — по шести грошей»⁷¹. К ним должен быть дополнен ещё четвёртый тип заградников, отмеченный в люстрациях Галицкого староства, — тех кто несли и чинш и панцину; о них сказано: «Четырнадцать заградников или подсадков, которые имеем также пашни»... — платили чинш 10 грошей, давали по две курицы и по 10 яиц и сверх всего отбывали трёхдневную панцину⁷². В люстрациях мы имеем классический пример рождения заградника, превращения крестьянина, имевшего самостоятельное хозяйство, в хозяйственный придаток панского двора⁷³.

М. С. Грушевский обратил внимание на неравномерное распределение заградников в различных староствах и высказал предположение, что в староствах с большими наделами, как Снятынское, или с дворничьим устройством, как Стрыйское, это можно объяснить тем, что заградники входили в состав дворничьих хозяйств. Незначительное же число их в других староствах по сравнению с Галицким М. С. Грушевский оставлял без объяснения. Однако предположение о вхождении заградников в дворничьи хозяйства противоречит высказыванию самого М. С. Грушевского о том, что «земля заградников не входила в состав другого участка»⁷⁴. Кроме того этот вопрос в целом, как мы считаем, нельзя рассматривать в отрыве от фольварочного хозяйства. Здесь повторяется ошибка, которую мы отмечали в связи с общей трактовкой экономического положения крестьян, данной в «Жерелах».

Действительное положение вещей характеризуют данные распределения заградников по отдельным староствам (по люстрациям 1565—1566 гг.), показывая несомненную связь между ростом фольварочного хозяйства и процессом обеднения крестьян.

Таблица 2

№ пп	Староства	Количество фольварков	Число хозяйств без учёта сёл на валашском праве	Число заградников и подсадков			Число заградников и подсадков
				на чинше	на панцине	всего	
1.	Снятынское	2	500	19	5	24	4,8
2.	Галицкое	7	284	2	78	80	28,1
3.	Стрыйское	1	373	9	13	22	5,9
4.	Дрогобыцкое	2	251	8	9	17	6,7
5.	Одниминская волость	3	956	44	39	83	8,7
6.	Перемишльское	6	630	75	105	180	28,5
7.	Саноцкое	4	652	47	25	72	11,0
		25	3 646	204	274	478	11,9

Примечания: 1. Самборское староство опущено, поскольку опись не даёт полных данных.
2. Сёла на валашском праве, переведённые на панцину, вошли в число хозяйств.

Наблюдая расположение этой категории крестьян по деревням Галицкого староства, мы находим совершенно определённую и резко выраженную закономерность: 1) заградники являлись придатком тех сёл, которые были обязаны еженедельно работать на фольварках, и 2) чем тяжелее была панцина у тяглых крестьян данного села, тем большую нагрузку «роботы» несли заградники. В самом деле: из 24 сёл Галицкого староства в 16 мы находим заградников — всего 80 хозяйств, из них 78 связаны были, как и крестьяне, с местными фольварками. В селе

⁷¹ «Жерела». Т. I, стр. 63, дер. Ямница.

⁷² Там же. Т. II, стр. 246—247.

⁷³ Там же. Т. I. Вводная статья, стр. 6.

Хоросткове⁷⁶, рядом с которым был расположен фольварк, крестьяне работали по 2 дня в неделю, а 5 загородников выполняли «послуги» — что «прикажут» по двору. В селе Ямнице крестьяне работали на фольварке по 3 дня в неделю — 14 загородников этого села отработывали там то же количество дней в неделю. Аналогичное положение было в сёлах Конюшки, Игнашков, Насташин — 19 загородников, как и остальные крестьяне, работали на фольварке по 3 дня в неделю⁷⁶. Загородники, не связанные с фольварочным хозяйством, представляли ничтожную цифру — всего 7 человек.

Такое же положение — несколько слабее выраженное — имело место в Перемышльском старостве: из 19 сёл, в которых отмечены загородники (подсадов там не встречается), — 12 сёл являлись панщинными — крестьяне этих деревень работали на окрестных фольварках: Бакунчинском, Девятинском, Мостицком, Гуйском и других, одни — по два дня в неделю, другие — ежедневно с полудня, третьи — «что скажут». Так же работали и загородники в целом ряде сёл⁷⁷.

Большое количество загородников и подсадов мы находим также в Озиминской волости, где многие сёла были на тяжёлой паншине, обязаны повозом в дальние пункты и доставкой дров на солеварни.

Таким образом, в связи с характером производственных отношений во всех трёх вышеназванных староствах: Галицком, Перемышльском и части Самборского, Озиминской волости, где процветали панщинные работы, — создавалась благоприятная почва для образования большого числа загородников, т. е. обезземеленных крестьян⁷⁸. В то же время низкий процент составляли загородники в староствах Снятынском (4,4%), Стрыйском (5,9%) и Дрогобыцком (6,2%), где был очень невысок удельный вес зерновой продукции, и в Самборском, на три четверти состоявшем из сёл, находившихся на ваташском праве.

Заканчивая характеристику положения крестьянства в земельных сёлах Прикарпатья XVI в., необходимо отметить, что крепостнические отношения в этой части Галичины были всё же менее напряжёнными, чем в её северной, равнинной части.

В Львовском старостве⁷⁹ процент панщины деревень, работавших от 2 до 5 дней, составлял 70%⁸⁰. В 7 деревнях работали ежедневно, кроме пятницы — торгового дня⁸¹. Львовский староста, пан Бажий, не стеснялся нажимать на крестьян, доводя их повинности до 5 дней в неделю⁸². В сёлах частных держателей, в большинстве своём магнатов (Жолкевские, Тейчинские, Гербурты), шла интенсивнейшая закладка новых фольварков и ломка традиционных повинностей. Крестьяне разбегались: «Эти две деревни надо считать за одну — там временами бывает людей то больше, то меньше, потому что они часто разбегаются»⁸³. Отметим, что именно со Львовской землёй связаны два ярких эпизода, явившихся следствием наступления крепостничества в XVI в.: гневный протест местного уроженца, украинского монаха-полемиста Иоанна Вишенского, бичевавшего князей церкви за безжало-

⁷⁶ «Жерела». Т. I, стр. 61.

⁷⁷ Там же, стр. 62, 102, 103, 104.

⁷⁸ Там же. Т. II, стр. 99, 101, 102, 105, 113, 115. Деревни Медыка, Шагиня, Поздьяча, Бучов, Бортотин, Сарны.

⁷⁹ Яблоновский А. (Zródła. Т. XVIII, ч. 2, стр. 122) отмечал, что поборовые реестры 1515 г. не знают ещё загородников. Это указывает на связь этого явления с процессами XVI века.

⁸⁰ Иллюстрации этого староства изданы М. С. Грушевским в томе III «Жерел». Львів, 1900.

⁸¹ По 30 деревням, о которых имеются полные данные; всего деревень было 43.

⁸² «Жерела». Т. III, стр. 350, 351, 368, 369, 392, 393, 398.

⁸³ Там же, стр. 347, 364.

⁸⁴ Там же, стр. 374.

стное разорение крестьян⁸⁴, и хозяйственная инструкция («Gospodarstwo» Kraków, 1588 г.) — как выжимать соки из хлопа — пана Ансельма Гостомского, чьё имя Гостомы находилось в нескольких милях от Львова⁸⁵.

Наоборот, в Каменецком старостве⁸⁶, смежном со Снятынским, удалённом от рынков, существовало только два фольварка, на которых работали крестьяне 10 сёл. 35 деревень представляли собой, по выражению люстраций, «Каменецкие пустыни и пограничье»⁸⁷. По существу, это был край свободных крестьянских поселений.

В предшествующем изложении мы касались сёл, которые сидели на русском праве. Хотя с 1435 г. в Галичине введено было польское право, но *jus Ruthenicum* долго ещё фигурирует в судебных процессах наряду с *jus Walachicum* и *jus Teuthonicum*⁸⁸. А. Яблоновский считал, что в преобладающем большинстве староств во второй половине XVI в. сохранялись ещё старорусские порядки⁸⁹. М. С. Грушевский полагал, что польское право в Галичине знало три схемы для осуществления юридических и экономических отношений крестьянства: русскую, немецкую и валахскую, различия между которыми исчезали со второй половины XVI века⁹⁰. Акад. Б. Д. Греков указывает на основании большого числа привлечённых памятников, что между польским и русским правом в вопросе о правовом положении крестьян в XIV—XV вв. не было сколько-нибудь большой принципиальной разницы⁹¹. Сёла, подчинявшиеся русскому праву, отличались от сёл, где действовало немецкое право, тем, что сохраняли в известной мере общинный строй, управлялись назначенными владельцем тиунами и атаманами, наряду с čímшем несли панщину. К сожалению, люстрации ни в какой степени не отражают активности сельских общин — громад: кроме сообщений об общегромадских сборах, «стаций», выплаты штрафов и изредка об арендах лесных выпасов для скота, мы никаких данных не находим.

Наряду с земледельческими сёлами, сидевшими на русском праве, на территории опришковских выступлений были расположены значительные количества скотоводческих сёл, сидевших на валахском праве. Карель Кадлец, автор большой монографии о валахском праве в славянских и венгерских землях, опубликовал список 315 сёл, находившихся на территории Короны⁹². М. С. Грушевский считал, что сёл на валахском праве в середине XVI в. было не менее 400⁹³. К. Любомирский, изучавший этот тип сёл на территории Белзкого воеводства, также указывал на очень большое их количество⁹⁴. Расположены они были главным образом в западной части Галицкого Прикарпатья — в Саночине (75), в Самборщине (82), Перемышльском повете (33); меньше их было в Галицком повете (17) и совершенно не было в Дрогобыцком, Стрыйском и Коломыйском⁹⁵.

⁸⁴ Акты Юго-Западной России (АЮЗР). Т. II, стр. 229—230. Петербург, 1865.

⁸⁵ «Oekonomia abo gospodarstwo ziemianskie». Biblioteka starozytna pisarzy polskich. Т. III, стр. 99, 127, 208, 193. Warszawa, 1854.

⁸⁶ Люстрации изданы в АЮЗР. Ч. 7-я. Т. II, стр. 165—215.

⁸⁷ Там же, стр. 190: так же *Zródła*. Т. XIX, стр. 216.

⁸⁸ *Acta grodzkie i ziemskie*. Т. XII. Судебные записки Галицкой земли за 1435—1475 гг., например, дело № 4018 от 1465 г. «*debet interrogare kmethones sic unum ut alium utrum esset et sedebat in jure Ruthenico vel in Valachico...*» Дело № 3433 от 1469 года «*villa Balyeyow sedet in iure Ruthenico*».

⁸⁹ *Zródła dziejowe*. Т. XVIII, cz. II, стр. 174.

⁹⁰ «Жерела» до історії України-Руси. Т. I, стр. 2.

⁹¹ Греков Б. «Крестьяне на Руси», стр. 357. Так же статья в сборнике «Средние века». Т. II, стр. 244. Москва, 1944.

⁹² Kadlec K. «*Valasi a valasske pravo v zemich slovanskich a uherskich s uvodem podvyscim prehled theorii v Zniku rumunskeho narodou*», стр. 302. Praha, 1916.

⁹³ Студі з економічної історії України с 23 прим. Киев, 1917.

⁹⁴ Lubomirski K. «*Północzne wschodnie wolosskie osady*». Lwów, 1855.

⁹⁵ Подсчитано по списку К. Кадлеца, стр. 302—314. В Дрогобыцком повете село Губицы имело половину хозяйств на валахском праве, половину — на немецком.

По мнению К. Кадлеца и ряда других исследователей (Э. Калужняцкого, К. Потканского), валашская колонизация в Галицком Прикарпатье началась не позднее XIII в., она особенно усилилась в середине XIV в. благодаря благоприятным условиям, порождённым периодом совместных войн Казимира Великого и Людовика Венгерского и правлением этого последнего в Польше (1370—1382)⁹⁶. В Галицкую Русь валахи пришли из соседних комитатов северной Венгрии и из Молдавии.

При изучении сёл, подчинявшихся валашскому праву, самым трудным для исследователей был вопрос о сущности валашского права. Перед этим вопросом в недоумении остановился первый исследователь А. Стадницкий⁹⁷. Близко к разрешению вопроса подошёл И. А. Линниченко⁹⁸, и окончательно его выяснил М. С. Грушевский. К. Кадлец полностью солидаризировался с последним⁹⁹. М. С. Грушевский пришёл к выводу, что в конце концов «валашского» в устройстве осад на валашском праве было очень мало. «Был валашский институт княжеский, собственно название «князя» для привилегированного начальника села, принесённое из валашских сёл Угорских, а валахи заимствовали у соседних славян. Был скотоводческий уклад хозяйства, дани от скотоводческого хозяйства и название этих дачей. Общины же были русские и строй был совсем русский, основанный на русском обычном праве»¹⁰⁰.

В изучаемое время, в середине XVI в., сёла, управлявшиеся на валашском праве, этнически были, как показывают люстрации, дающие полностью имена крестьян, сплошь украинскими, молдавские и венгерские пришельцы составляли очень небольшую прослойку.

Общее количество сёл, где действовало валашское право, на территории королевщин равнялось примерно 139. Валашские сёла Перемышльского староства изучались М. С. Грушевским. Кроме люстраций 1565 года М. С. Грушевский пользовался инвентарями 1494 и 1497 годов. Он пришёл к выводу, что в XVI в. пастушеский характер хозяйства валашских сёл начинал меняться, уменьшалась выплата дани баранами, начинала преобладать выплата свиньями, общим явлением становился денежный чинш. При сопоставлении податей сёл, где действовало валашское право, с сёлами на русском и немецком праве, автор пришёл к выводу, что при приблизительно равном денежном обложении в этих категориях сёл значительная разница наблюдалась в размерах панщины. В валашских сёлах стоимость её едва выражалась в нескольких грошах, в сёлах русского права её оценивали в 60 грошей¹⁰¹. Отсутствие систематической еженедельной панщины ставило валашские сёла в наиболее благоприятное положение, «это и объясняет нам, — заключает Грушевский, — наплыв сюда новых осадников»¹⁰². Надо отметить, что среди старостинских сёл Перемышльского староства встречаются случаи, когда деревни сидели на двояком праве — часть на валашском и часть на русском, например, село Брилинцы¹⁰³. Сравнение положения той и другой частей села даёт нам конкретный пример различия. В то время как «Woloska Strona» работала на Гойском фольварке только условно 10 дней

⁹⁶ Kadlec K. Op. cit., str. 290—291. Так же. Dobrowolski K. Migracje woloskie na ziemich polskich (Roczniki Dziejów Społecznych i gospodarczych, t. I, str. 331. 1931).

⁹⁷ Stadnicki A. «O wsiach tak zwanych woloskich». Lwów. 1848.

⁹⁸ Линниченко И. «Черты из истории сословий Юго-Западной Руси», стр. 176. Москва. 1894.

⁹⁹ Kadlec K. Op. cit., str. 33.

¹⁰⁰ Грушевский М. «Історія України-Руси», т. 5, стр. 374.

¹⁰¹ «Жерела». Т. II. стр. 25, 28, 29.

¹⁰² Там же, стр. 29.

¹⁰³ Там же, стр. 121.

в году, «*Ruska Strona*» работала не менее 100 дней в году. Первая давала чиншевого барана, вторая была свободна от этой дани, остальные взносы в одинаковой мере ложились на обе стороны.

Самборское староство представляло гнездо сёл, сплошь сидевших на валашском праве. Обилие сёл этого типа в Самборском старостве отмечено в люстрации 1568 года, где дано столь яркое их описание, что оно трижды цитировалось в исторической литературе — М. А. Линниченко, М. С. Грушевским и К. Кадлецом¹⁰⁴. Положение этих сёл в Самборщине не было одинаковым. Очень большая группа незадолго до приезда ревизоров только выбрала место для поселения. Все они «ещё не высидели воли» и вносили небольшие денежные дани: подымное — 2 гроша, и «поклоны» на два праздника — рождество и пасху. В эти сёла продолжали прибывать крестьяне из других сёл по 2, 6—10 человек, о них говорилось: «Ещё домов не имеют, только поля для копания вымеряют». В деревне Свидник солтыс сумел поселить только одного крестьянина¹⁰⁵. Для новых сёл характерной особенностью являлась уплата «лесного», дававшая право рубки деревьев в королевских лесах для получения строевого леса, столь необходимого новосёлам¹⁰⁶. Группа из 8 сёл — Мшанец, Галуки, Плоское, Грошево, Головешки, Днестрик и Рыпаны, — имевших большое население в 200 хозяйств, была обложена почти одинаковым чиншем в 24 гроша, одинаковыми данинами — бараны, сыры, конские подруги — и одинаковым взносом в 48 грошей за освобождение от панщины¹⁰⁷. Даты основания этих сёл не отмечены, но, судя по полноте обложения, — это давние обжившиеся сёла. Среди староосаженных сёл выделялись крупные — Высоцкое с очень большим населением в 135 хозяйств, сидевших на 58¾ ланах, Черхава — 50 крестьянских хозяйств и Кобло — 41 хозяйство. Размер денежного обложения — чинша и данин, — переведённых на деньги (без общегромадских взносов), колебался для одной группы в цифре 72—96 грошей¹⁰⁸ и для другой группы — от 29 до 64 грошей¹⁰⁹, что по сравнению с сёлами русского права нельзя считать высоким. Характер обложения в ряде сёл отличался большой пестротой — кроме денежного чинша и обычных данин нанизывались мелкие сборы: лесное, складное, спасное, подымное. Почти во всех валашских сёлах Самборщины панщина выкупалась, местами высокой денежной оплатой — до 48 грошей. Здесь, как правило, не было регулярной панщины, а выкупались спорадические повинности — возка брёвен, доставка непла, разовые сельскохозяйственные работы; всё же цифра в 48 грошей показывает достаточно высокий удельный вес этих повинностей. Поскольку Самборская опись представляла собой краткий инвентарь денежных доходов, который не может идти в сравнение с полнотой люстрации, нет возможности точнее охарактеризовать эти повинности.

Для сёл, где действовало валашское право, середина XVI в. являлась наиболее трудным временем наступления на их привилегированное

¹⁰⁴ Линниченко И. «Черты из истории сословия Юго-Западной Руси», стр. 170; Грушевский М. «История Украины-Руси», Т. V, Ч. 1-я, стр. 376. Kadlec K. *Valasi a valasske pravo v ziemich slovanskich...* str. 333. Praha. 1916. К сожалению, эта ценная опись (1568 г.), находившаяся в фондах Коронной метрики, по Пташицкому, вып. IV, № 22, не была издана. В 1922 г. передана Польской республике.

¹⁰⁵ «Жерела». Т. I, стр. 242.

¹⁰⁶ Там же, стр. 267, 266, 227.

¹⁰⁷ Там же, стр. 231 (Мшанец и Галуки), стр. 232 (Плошки, Грошево, Головешки), стр. 233 (Днестрик и Репаны).

¹⁰⁸ «Жерела». Т. I, стр. 231, 233. К этой группе относятся деревни: Галуки, Плоское, Грошево, Головешки, Днестрик, Ушне, Любохожа, Лястовка.

¹⁰⁹ Там же, стр. 247, 248, 256. Деревни Кобло, Воля Коблянка, Ясенька, Недзельна, Лопушанка, Лужок, Сприня, Высоцкое, Черхава, Стрелка.

положение. Это наступление было вызвано ростом требований, предъявлявшихся со стороны старостинского хозяйства в связи с развитием фольварков, солеварен, лесопилен, белилен, перевоза зерна на городские рынки. Деревни валашского права принуждались ходить на фольварки — пахать, сеять, жать, возить дрова на солеварни. Ярче всего это наблюдается в описи Озиминской волости, которая была приписана к жупам земли Русской. Деревня Лужок Дальний на реке Быстрице (21½ дворища — 62 крестьянина). «Работают 3 дня целых в неделю, что им скажут, до которого-нибудь из фольварков или каждый день по полдню... Фёдко Поссович с братом откупились за 3 злотых шесть грошей»¹¹⁰. Деревня Медвежья (13¾ дворищ — 48 крестьян): «...крестьяне работали на фольварке по три дня в неделю... Теперь их перевели возить дрова на жупы Дрогобыцкие»¹¹¹. Деревня Опака (25 крестьян на полдворища) была переведена с полевой панщины на возку дров, по два воза в неделю с полдворища¹¹². Деревни, избежавшие приписки к фольваркам или солеварням, в дополнение к обычным повинностям облагались целым рядом новых: Бронница (15 км от Самбор), хотя и откупившаяся за одну гривну от панщины, должна была делать запруды, чинить шлюзы, возить хворост и «с зерном дворским на торг до Львова, Перемышля или Самбора ехать»¹¹³.

От 1548 г. сохранилось письмо Сигизмунда-Августа Саноцкому подстаросте по поводу жалобы крестьян валашских сёл: «Подстароста Яков Дроздовский. Это наши обременённые Волохи из деревень нашего Саноцкого староства... которых ты принуждаешь к работе, против их привилея, экземпляр которого в копии нам явлен. По старым обычаям волохи везде, во всех деревнях наших от работ свободны, но должны платить определённые данины. Они просят нас, чтобы их привилеи и старые обычаи соизволили сохранить. Строго поручаем тебе *ita omnino habere volenter* от новых и необычных работ...» Этот ответ короля на жалобу крестьян был в том же году вписан в книгу Саноцкого грода «Князем деревни Шавны, Гричко, и многими другими людьми «валахами», подданными его королевской милости из деревень, лежащих в горах», как сказано в записи¹¹⁴. По ревизии 1565 года во главе села Шавны попрежнему находился князь Гричко, и никаких паншинных работ крестьяне не несли, а давали умеренный чинш в 29 грошей, дань баранами и свиньями, а также 60 форелей и на праздники серну и трёх зайцев¹¹⁵. Очевидно, до поры до времени они сумели оградить себя от панщины. Изучавший валашские сёла в Побужье, Любомирский описывал приход многих громад Галичины в Красностав к королю в 1558 г. с обвинением старост в вымогательстве, несносном мучительстве, еженедельной панщине, суровых побоях. В числе прибывших находились и крестьяне валашских сёл Прикарпатья со своими князьями¹¹⁶. В другом месте своей работы Любомирский цитировал сообщение сборщика податей, обратившего внимание на упорство, с каким держались крестьяне валашских сёл за свои давние права: «Крестьянин водил пальцем по стёршимся строкам привилея, не соглашаясь на требования комиссара»¹¹⁷.

Несмотря на то что многие сёла, пользовавшиеся валашским правом, потеряли свои свободы, они по сравнению с сёлами, где дей-

¹¹⁰ «Жерела». Т. I, стр. 269.

¹¹¹ Там же, стр. 270.

¹¹² Там же, стр. 284.

¹¹³ Там же, стр. 268.

¹¹⁴ Грушевський М. «Матеріали до історії суспільно-політичних й економічних відносин Західної України», стр. 116. Львів. 1906.

¹¹⁵ «Жерела». Т. II, стр. 274.

¹¹⁶ Lubomirski K. «Połnocno-wschodnie Wołoskie osady». T. IV, str. 29—30. Warszawa. 1855.

¹¹⁷ Ibidem, str. 23.

ствовало русское право, всё же оставались на привилегированном положении¹¹⁸. Население валашских сёл имело гораздо меньше непосредственных сношений с королевской или панской администрацией. Все дани и чинши собирал князь. Только раз в год приезжал подстароста или кто-нибудь из уряда «выбирать» овец, свиней, коз, да дважды в год крестьяне должны были являться ко двору, на поклон. Крестьяне валашских сёл были поставлены в лучшие условия, чем сёла, подчинявшиеся русскому праву, и в отношении крестьянского выхода (в XV в.): в то время, как первые обязаны были внести по 12 грошей выходного и на такую же сумму данин, последние платили: целую копу грошей (60 гр.), кадь (dzber) пшеницы, две колоды овса, четыре русинских колача, четыре курицы, воз сена и воз дров¹¹⁹. В то время как в русских и польских сёлах патримониальный характер всего уклада, выражавшийся в подсудности панской юрисдикции, подчинении назначенному паном атаману или тиуну, ограничивал права громад, валашские сёла сохраняли княжескую юрисдикцию с участием всей громады в судебных разбирательствах. Люстрации по самому характеру своему не могли в достаточной мере осветить роль громад. Более полное освещение громад находим в сохранившихся судебных записях, например Саноцких, изданных Бальцером¹²⁰. На основании последних, И. А. Линниченко и К. Кадлец пришли к заключению о наличии больших правомочий у громад валашских сёл: «Кажется, что деревенская община играла выдающуюся роль в судах селений валашского права. Она правильно присутствовала в суде, в котором князь был председателем»¹²¹. По мнению К. Кадлеца, было бы неправильно считать, что организация громад заимствована когда-то у валахов — в этом не было ничего специально валашского, скорее в этом институте проявляется русское право, заимствованное от русин населением деревень, управлявшихся на основе валашского права. В этом вопросе К. Кадлец согласен с Грушевским¹²².

О привлекательности этого уклада хозяйства для крестьян говорит то обстоятельство, что в середине XVI в. было вновь основано большое количество сёл, где действовало валашское право. На основании люстрации 1565—1566 гг. в пяти старостах, где создавались новые осады (в Галицком, Самборском, Озиминской волости, Перемышльском и Саноцком), таких сёл можно насчитать 42, что составит 18% к общему количеству сёл (и 10% к числу хозяйств). В среднем населённость новоосаженных деревень для Самборского староста составляла 14,5% крестьянских хозяйств, в Перемышльском — 10,1%. Самая ранняя дата образования осад, «не выживших ещё свободы», — это 1549 г., самая поздняя — 1564 год.

Все деревни садились «на сыром корню», на корчевницах, поднимали целину. Организатор этого тяжёлого труда, становившийся затем наследственным начальником, был обычно предприимчивый человек из местного населения (иногда пришлый). Такой начальник аналогичен солтысу в сёлах, где действовало немецкое право, носил в валашских сёлах название «князя» (knyasz albo soltys, также knas, knyadz, в латинских текстах — scultetus)¹²³.

Сколько возникало сёл, столько же возникало и княжеств, называемых иначе солтыствами, поэтому изучение валашских сёл нераз-

¹¹⁸ Kadlec K. Op. cit., str. 374.

¹¹⁹ Ibidem, str. 322. Также Rundstein S. «Ludność wiesniacza ziem Ralickiej, w XV wieku», str. 28. Lwow. 1903 (Studia nad historia prawa polskiego. T. II, zesz. 2).

¹²⁰ Balzer O. Regestr zloczynców grodu Sanockiego. Lwow. 1891.

¹²¹ Линниченко И. Указ. соч., стр. 180.

¹²² Kadlec K. Op. cit., str. 338—339.

¹²³ О происхождении названия «князь» см. Bogdan — Über die rumänischen knesen. Archiv für slavische philologie. B. XXV. T. 4 S. 522. Berlin. 1903.

рывно связано с изучением «княжеских» хозяйств. Чтобы выяснить социальный характер этих образований, необходимо обратиться к другому источнику — к локационным привилеям, хорошо освещающим княжеский институт. Привилеи на zalozenie деревни и при ней «княжества» «Kniastwo, albo, stoltstwo» давались панам и королём (последний давал их бесплатно)¹²⁴. На основании 19 локационных привилеев, относящихся к изучаемому району и времени (1509—1560 гг.), можно довольно полно представить себе хозяйственный уклад местных княжеств — солтыств¹²⁵. Это своеобразный, выросший в Прикарпатье, феодальный мирок. Здесь между крестьянами и панам, между мелкими зависимыми производителями и феодальными собственниками средств производства появилась прослойка своеобразных пожизненных или наследственных держателей, занимавших по своему классовому облику промежуточное положение. Владельцами тщательно хранились привилеи, в ссылках на которые говорились: «in charta pecorina scriptas et sigillo oppenso communitas, sanas, *salvas et integras»¹²⁶. Они являются памятниками не только юридическими, но и экономическими и бытовыми, так в них было много подробных описаний хозяйственных угодий, местных названий, мелких оговорок, в целом должествовавших гарантировать будущее благополучие их обладателей. В латинские тексты, повторяющие установившиеся формулы грамот, вставляются украинские названия: «церковь», «батько», «колядки», «выгон», «пасека», «початки»¹²⁷. Закладывавшееся хозяйство «князя» определялось в привилеях всесторонне, начинаясь с основной части — земельного участка, обычно величиной от 1 лана и до 6, нередко называемого «дворище»¹²⁸.

Хозяйства князей-салтысов включали в свой состав все те доходные статьи, которые обычно имелись в больших панских владениях: мельницы, рыбные садки, пасеки, корчмы. Право на устройство лесопильной мельницы и сукновальни давалось не всем князьям. В привилее, данном П. Кмитой Ивану Волощу на деревню Боберку, оговорено: «Ехсерто folusz»; Александр и Прокоп Коростенские также получили право только на мукомольную мельницу. Ян Кунашевич Устрицкий получил право иметь всех видов мельницы, где пожелает.

«Княжеские» хозяйства представляли совершенно особые территориальные владения, расположенные рядом с основанной деревней, в своих твёрдых границах, в пределах которых крестьяне не смели селиться. Хозяину этих владений они обязаны были помогать своим трудом с самого дня основания деревни. Крестьяне должны были, как определено указывается в привилеях, пахать, косить и жать на полях «князя» 3—5 дней в году (с надела в $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ лана); иногда добавля-

¹²⁴ Цена привилея на княжество, видимо, находилась в известном соотношении с количеством земли, отводимым под усадьбу — фольварк князя. Николай Вольский продал привилей на Лопушанку (1526) за 50 флоринов причём князю отводилось одно дворище (Грушевский М. «Матеріали...», стр. 97). Пётр Кмита взял за привилей на Звеняч (1541) и Ровен (1541) по 100 флоринов. В каждом случае отводилось по два дворища. Привилей деревни Боберки (1537) стоил 70 флоринов, содержал право на два дворища. Привилей на Тернову горную и дольную (1537) Кмита продал за 100 марок. Земли отводилось 4 дворища (Стадницкий. Собрание документов... стр. 25, 27, 29).

¹²⁵ Из этих 19 привилеев 14 опубликованы у Стадницкого, остальные — в «Матеріалах» Грушевского №№ 76, 77, 82, 92, 100. Шесть привилеев были выданы частными лицами — П. Кмитой (5) и Н. Вольским (1), остальные — королевские: 3 — в Самборском старостве, 5 — в Перемышльском и столько же — в Саноцком.

¹²⁶ Stadnicki A. «O wsiacli tak zwanych woloskich II. Zbior dokumentow» стр. 45.

¹²⁷ Stadnicki A. Op. cit. Ecclesial alias czerkiew. Baitko, str. 38, convocations vulgo tlodikifas 44; obventiones alias poczatki, str. 46. 65, 28; strenna alias coledka.

¹²⁸ Ibidem 46. Привилей д. Боберки: «duos areas Dworzy sze vulgo nuncupatos cum Obszary».

лось: «Делать, что было нужно»¹²⁹. Ясно, что такой размер паничины, особенно в случаях малочисленности колонистов, не мог обеспечить «княжеского» фольварка. Осадник получал специальное право на поселение на своей земле загородников (*hortulani*) и ремесленников (*artifices*)¹³⁰. Это право, чрезвычайно важное для «князей», иногда формулировалось не только в общих выражениях — «сколько он хочет», или «сколько он может поселить в своём имении», — но оговаривалось очень обстоятельно¹³¹. Создававшаяся таким образом дополнительная рабочая сила никак не учитывалась ревизором в люстрациях, потому что была освобождена от всяких сборов в пользу короля¹³². Рядом с загородниками в княжеском хозяйстве работали ремесленники, право на поселение которых давалось одновременно с правом иметь загородников; здесь выступают сапожники, портные, скорняки, ткачи и другие¹³³. Представление о реальном количестве крепостной рабочей силы во владениях князей дают некоторые разделы податных реестров Прикарпатья 1580 года. В 17 княжествах Устрицкой крайины, Перемышльского староства, можно насчитать 207 работников, из них 118 загородников, 84 коморника и 5 ремесленников¹³⁴. Устрицкий князь имел 8 загородников с землёй, 2 — без земли и 4 коморника; князь в Бандрове — 16 загородников, 12 коморников и 2 ремесленников; князь в Лодзине — только 4 коморника.

Это небольшое княжеское хозяйство постоянно пополнялось притоком новых ресурсов в виде арендных денег с мельниц, с корчмы¹³⁵, третьей части чиншев, вносимых крестьянами королю, третины с мелкого скота; два раза в год шли денежные подарки-колядки. По привилеям князя-солтысы были освобождены от всяких чиншей и только ежегодно давали по 12 баранов, стацію, и некоторые другие взносы «на замок»¹³⁶. Некоторое представление об имущественном положении князей-осадников даёт акт детаксации Устрицкого солтыства 1569 года. Земля была оценена в 200 марок (5 ланов по 40 марок)¹³⁷. Доходы от мельниц — 40 марок, от корчмы — 15 марок, чинш с крестьян — 12 марок 10 грошей (третья часть), «почта» — 10 грошей. Князя-осадники были не только предприимчивые колонизаторы, но и воины, обязанные участвовать во всех «генеральных походах королевства» (посполитом речении) и входить в состав местного ополчения, что обычно оговаривалось в привилеях и связывалось с получением «княжества»¹³⁸. Князья должны были являться в поход «на хорошем коне, как можно лучше вооружёнными»¹³⁹. Обязанность военной службы наступала только по истечении льготных лет, как это ясно указано в привилеях Вичова, Устрик и Репедзы, и была распространена на всех князей¹⁴⁰. В некоторых случаях князья освобождались от участия в походах и получали специальное задание.

Привилеи и документы гражданского права: семейные разделы,

¹²⁹ Стадницкий. Привилей Ровен, стр. 28. Береги, стр. 46; Устрик, стр. 65.

¹³⁰ Там же, стр. 30.

¹³¹ Там же, стр. 46, 44, 43.

¹³² Грушевський М. «Матеріали». Привилей деревни Прилуки, стр. 135; деревни Репедзы, стр. 88, 142.

¹³³ Stadnicki A. «O wsiach tak zwanych woloskich», str. 30, 78. Lwów. 1848.

¹³⁴ Zrodla dziejowe. T. XVIII cz. I, str. 2—3.

¹³⁵ Stadnicki A. Привилей деревни Ровен, стр. 27. Корчма в деревне Устриках давала дохода 50 марок в год (марка — 48 грошей), стр. 73.

¹³⁶ «Жерела», т. I, стр. 128.

¹³⁷ Stadnicki A. «O wsiach tak zwanych woloskich», стр. 70.

¹³⁸ Там же, стр. 32.

¹³⁹ Там же, стр. 92, 65. Привилей Вичова — 1569 г. и Устрик — 1532 г.

¹⁴⁰ Там же, стр. 65. «Servire ad bellum cum arcu et sagittis in egro benevalente». (стр. 79). «Qui quidem Doliziczki tempore generalem motionis ad bellum serviet cum fra-mea et arcu bene armatus».

детаксация, иски, «присяги» — знакомят с некоторым количеством людей, выполнявших функции князей; одни из них официально именуется шляхтичами — «nobilis vir»¹⁴¹, другие — «provido»¹⁴², третьи, очень немногие, — «subdito nostro»¹⁴³.

К. Кадлец считал, что осадниками были крестьяне и горожане, называемые «laborioso», «provido», «honesto», шляхетные «nobilis vir» и как исключение попы¹⁴⁴. Мы не могли найти ни в одном привилее обращение «laborioso», что, однако, совершенно не исключает того факта, что среди князей-осадников были крестьяне. В Самборской люстрации 1568 г. записано: «Придёт крестьянин к старосте с просьбой дозволить ему при какой-нибудь речке осадить село и даёт за это старосте несколько сот, а иногда тысячу золотых, выговаривая себе при этом пашни, третину, колачи и т. д.»¹⁴⁵.

Сопоставляя имена князей, которые фигурируют в люстрациях, криминальных актах и гражданских сделках, можно прийти к выводу, что князья-солтысы в большинстве были украинцы. Иногда в локационных привилеях отмечались припленные люди, например, «Андрей Кровцович из Венгрии»¹⁴⁶.

Внимание, которое было здесь уделено хозяйству князей, их военной повинности и их взаимоотношениям, имело целью показать ту мелкофеодальную среду, которая, как нам представляется, благоприятствовала развёртыванию опришковства. В судебных актах конца XVI — начала XVII в. князья под именем солтысов, скульпетов, постоянно фигурируют в свидетельских показаниях как участники разбойных нападений, укрыватели, сообщники, скупщики похищенного¹⁴⁷. Они действовали в гуще крестьянской массы и вместе с ней. Позднее в опришковских выступлениях 1648 г. участвовали князья Пивторак, Корень, Лесь, князь Коблянский и «князев сын»¹⁴⁸ — знаменитый вожь народных масс Покутья, Семён Высочан¹⁴⁹ — был, по видимому, выходцем из этой же среды¹⁵⁰. С другой стороны, мы имеем актывый материал, показывающий князей в роли угнетателей крестьянских масс. Так, в решении королевского референдарского суда 1602 г., присланных на имя перемышльского старосты Т. Дрогоевского, говорилось: «Что касается подданных всех деревень на Стривяже, которые обременены сверх обычных повинностей и которые князья тех сёл от них вытягивают... никаких чиншев и податей платить не должны, кроме тех, что описаны и назначены в люстрациях». «...Замочения, битья несправедливого чтоб им не делали, как князья так и иные старостинские урядники»¹⁵¹. Местами князья насильно захватывали крестьянские участки, что не раз отмечено ревизорами: «Солтыс там же, отнявши у крестьян несколько кусков тяглой пашни, присоединил к своему фольварку и ничего с них не платит»¹⁵².

¹⁴¹ Стадницкий А. Привилей деревни Устрик, 1509 г., стр. 63; привилей деревни Дверника. 1533 г., стр. 36; «Материялі», стр. 88, 120.

¹⁴² Там же, стр. 27 (1541 год).

¹⁴³ Там же. Привилей деревни Боберки (1537 г.), стр. 29.

¹⁴⁴ Kadlec K. «Valasi a valasske pravo...», стр. 334. Praha. 1916.

¹⁴⁵ Линиченко Н. «Черты из истории сословий Галицкой Руси», стр. 173.

Прим. I.

¹⁴⁶ «Жерела». Т. I, стр. 95.

¹⁴⁷ Balzer O. Regestr zloczynch grodu Sanockiego, №№ 5, 15, 27 и др. Lwów, 1891.

¹⁴⁸ «Жерела». Т. IV, стр. 52.

¹⁴⁹ «Жерела». Т. V, стр. 116.

¹⁵⁰ Доказательства в пользу такой трактовки личности Высочана, отступающей от обычной, даём в главе, связанной с опришковским движением периода освободительной борьбы 1648 года.

¹⁵¹ Księgi referendarskie. Т. I. 1582—1602. Wyd. Ignacy Baranowski, str. 102—103. Warszawa. 1916.

¹⁵² «Жерела». Т. II, стр. 270, 267.

Изучая опришковское движение, мы наблюдаем в начале XVII в. большую засорённость опришковских рядов мелкой шляхтой, попами, князьями.

Стихия разбоя, присущая этой военно-феодальной среде, была созвучна той же черте в опришковстве, которая, однако, по мере роста антагонизмов уступала место более определённомu классовому устремлению, что позднее нашло своё выражение в выступлениях Олекса Довбуша.

IV

Социально-экономические отношения, бывшие базой оформлявшегося в XVI в. опришковского движения в Прикарпатье, в дальнейшем подвергались воздействию растущего крепостнического наступления. Те нормы повинностей, которые были зафиксированы в люстрациях 1565—1566 гг., уже с трудом отставались крестьянами, а большей частью жестоко ломались.

Чрезвычайно ярким документом этой упорной борьбы крестьян за свои права, с одной стороны, и безудержного произвола шляхты — с другой, являются материалы так называемых референдарских судов, ведавших делами по жалобам королевских крестьян на старост и посессоров, и — обратно¹⁵³. Датируются эти дела 1592 и 1602 годами — это судебные дела того поколения крестьян, которое сменило людей, бывших объектами ревизии 1565 года.

Крепостническое наступление раскрывается здесь с необычайной силой и полнотой. Так, из решения суда по жалобе крестьян села Вышатичи¹⁵⁴ на «несправедливости и утеснения» Перемышльского старосты Томаша Дрогаевского (1602 г.) видно, что у крестьян были отняты «собственные их пастбища»¹⁵⁵, что они принуждались к папшинным работам на личной земле пана-старосты, кроме работы в фольварке, что их принуждали покупать соль, отбирались у них дрова, купленные на собственные деньги, что староста незаконно вытянул у них 20 гривен под предлогом пользования паромом, обещивал их при сдаче зерна для переработки в крупу, брал деньги («станции») под предлогом «якобы на жолнеров Речи Посполитой»¹⁵⁶. Из жалоб крестьян Самборской эконоии (1592) на Юрия Миньшка видно, что он отнял земли, которые крестьяне издавна арендовали у короля, увеличил чинш и принуждал к небывало тяжёлой панщине¹⁵⁷. Из жалобы на того же старосту крестьян деревни Чикова следует, что они принуждались к ежедневной панщине с пол-ланового и меньшего надела, на фольварке, отстоявшем на расстоянии полутора миль¹⁵⁸. Семнадцать горных сёл на р. Стрияже жаловались, что на них незаконно наложены денежные сборы на содержание гайдуков, казаков и других частных слуг старосты, что с них взимается чинш сверх обозначенного в люстрациях, требуется возка леса на старостинские фольварки, в жалобе говорилось также, что с них «тянут» кур, гусей и другие податки¹⁵⁹. Они жаловались на «князей» и старостинских урядников, на то, что их били и сажали в тюрьмы.

Никакие решения суда, охранные листы короля (глейты) и требования (мандаты), обращённые к старостам, не имели силы: за период между люстрациями 1565—1566 гг. и приводимыми здесь жалобами крестьян были приняты Генриховские артикулы 1573 г., установившие пол-

¹⁵³ Изданы И. Барановским *Ksiegi referendarskie*. Т. I, 1582—1602. Warszawa. 1910; также Крипякевич И. «Референдарські суди і їх діяльність в українських землях»; «Записки научного товарищества ім. Шевченка». Т. 97. Кн. 5-я. Львів. 1910.

¹⁵⁴ Описана в «Жерела». Т. II, стр. 91.

¹⁵⁵ *Ksiegi referendarskie*. Т. I, стр. 97.

¹⁵⁶ *Ibidem*, стр. 99.

¹⁵⁷ *Ibidem*, стр. 24.

¹⁵⁸ *Ibidem*, стр. 101.

¹⁵⁹ *Ibidem*, стр. 102—103.

ную власть владельцев над своими крестьянами, и вышел ряд новых судебных постановлений против беглых крестьян (1578, 1588), постановлений, усиливших позиции местной шляхты.

Крестьяне Прикарпатья в это время переходили от легальной защиты своих интересов к вооружённой борьбе. В «Реестре преступников Саноцкого города 1553—1638 гг.»¹⁶⁰ наряду с большим количеством мелких уголовных дел, встречаются дела с определённой классовой направленностью и типичными для опришков приёмами. В 1560 годах ряд саноцких крестьян из различных сёл и с ними закарпатские их соучастники обвинялись в повторных нападениях на некоего пана Стана¹⁶¹: дело 1563 года крестьянина Ивана Гречи из Язоровой Воли о спалении гумна в усадьбе пана Стана, дело Карлика Игната из Радвани о походе на усадьбу пана Стана, в котором участвовало 20 человек, дело беглого крестьянина Лукаша из Новотанца о намерении застрелить сына пана Стана. В 1611 году — дело крестьянина Ячка Тяглинка и его соучастников, пытавшихся сжечь фольварк пана Кристофа Дрогоевского¹⁶². Особенно показательным является дело крестьянина Ячка Ручки из села Телесницы о нападении в 1607 году на двор пана Юрка Росинского в том же селе¹⁶³. Всех участников было 30 человек. Прежде чем двинуться ночью на шляхетский двор, они сошлись в лесу «по свистку» и сели в круг, ожидая других. Ячко Ручка сказал попову сыну: «Кто не был в таких делах, лучше бы тому остаться», — но послышался ответ: «Тут нет никого, кто бы в таких делах не был ни разу». С зажжёнными фитилями, имея 20 мушкетов и в ладунках по 50 пуль, двинулись они на панский двор. Предупреждённый о нападении Росинский отбилсЯ, но пан Крогулевский, вышедший со свечой на шум, был убит. Обвиняемые после пыток были выведены на Ратушную площадь в Саноке, где все «добровольно» признались. Поэтому «суд приговорил их на смерть по заслугам». Их вывели в поле и там казнили¹⁶⁴.

Хотя в этих делах не фигурирует название «опришки», однако налицо основные черты, присущие опришковским выступлениям: классовая направленность, объединение крестьян-выходцев различных местных сёл, связи с Закарпатьем, действия мелкими отрядами, конспиративность. Все эти черты найдут своё дальнейшее развитие в XVII и XVIII веках.

Вопросы влияния растущего фольварочного хозяйства на положение крестьянства Прикарпатья в XVI в. также, как вопрос о специфике социально-экономических отношений в сёлах, где действовало валашское право, и в смежных с ними княжествах-солтыствах, так же, как вопрос дифференциации крестьянства, интересовали нас постольку, поскольку они связаны с опришковским движением и освещают ту социально-экономическую базу, на которой оно выросло.

На основании всего вышесказанного, можно прийти к следующим выводам.

1. Обычное в исторической науке представление об отсутствии фольварочного хозяйства в Прикарпатье XVI в. является на наш взгляд, результатом недооценки имеющихся в источниках фактов. Там, где природные условия позволяли засев зерновых и где имелись рынки сбыта, фольварки основывались и крепились. Доказательством тому служат королевские и старостинские фольварки Перемышльского, Саноц-

¹⁶⁰ Balzer O. «Regestr zloczyncow grodu Sanokiego». Lwów. 1891.

¹⁶¹ Там же. Дела №№ 17, 18, 27, 31. В податном реестре 1579 г. имеются «villae domini Stiano»: Воля Нароганская, Надольяны и Симкова Воля (Zrodla. T. XVIII, cz 1, str. 55).

¹⁶² Там же. Дело № 141.

¹⁶³ Там же. Дело № 113—117, 119.

¹⁶⁴ Там же, str. 162.

кого и Галицкого поветов, в которых успешно велось зерновое хозяйство, работавшие на городские рынки и, возможно, на экспорт (Перемышльский повет).

2. Распространение фольварочного хозяйства в глубь Прикарпатья влекло за собой прикрепление к нему большого числа крестьянских хозяйств близлежащих и даже довольно отдалённых сёл и ломку традиционных норм повинностей. Эта ломка частично коснулась и сёл, сидевших на валашском праве, подрывая тем самым скотоводческий уклад их хозяйства. Внедрение фольварков в Подгорье вызывало энергичный отпор со стороны крестьянства и явилось наряду с другими проявлениями крепостнического наступления предпосылкой к развёртыванию опришковского движения. Надо, однако, заметить, что по сравнению со всей территорией Галичины в целом крепостнические отношения в Прикарпатье были менее напряжёнными и тем самым обеспечивали населению некий плацдарм для классового отпора.

3. Сосуществование на территории Прикарпатья двух типов сёл: земледельческих, где действовало русское право, и скотоводческих, валашских, — делает понятной создавшуюся в опришковском движении ситуацию, при которой территорией формирования опришковских отрядов, где они находили побратимов, участников, укрывателей, были горные валашские сёла; основные же массы бедного крестьянства, наполнявшие эти отряды, притекали из нижнего пояса Подгорья, существовавшего в условиях вотчинного режима. Особенностью в складе хозяйства Прикарпатья являлись мелкие, воеводо-феодалового типа, земельные владения князей-солтысов, расположенные в гуще валашских сёл. Их владельцы представляли собой среду, благоприятную для развития движения опришковых, однако по своему социальному положению эта среда тянула движение от классовой направленности в сторону простого разбоя.

4. Материалы судебных актов Саноцкой земли конца XVI в., относящиеся к опришковскому движению, позволяют предполагать, что к этому времени оно уже получило определённые организационные формы, отличающие его от других проявлений антифеодаловской борьбы на территории Галичины.

Дальнейшая эволюция аграрных отношений Галичины, как показали работы Яна Рутковского¹⁶⁵, основанные на большом материале местных вотчинных архивов, резко усилила антагонизм и подняла опришковское движение на новую ступень, что мы и наблюдаем в XVIII веке.

¹⁶⁵ Rutkowski J. «Le regime agraire en Pologne au XVIII — me siècle», Paris, s. d.